

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ИЛИ ОТТОК БУДУЩЕГО? ОСЕННИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ЗЕЛЕНСКОГО С ВЫЕЗДОМ МОЛОДЫХ МУЖЧИН И ЕГО СКРЫТЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ УКРАИНЫ

С конца августа 2025 года в украинской миграционной и мобилизационной политике произошёл заметный поворот: Кабинет министров, реализуя обещание президента Зеленского, разрешил мужчинам в возрасте от 18 до 22 лет покидать Украину даже в условиях сохраняющегося военного положения.

Новый порядок вступил в силу постановлением от 27 августа и уже через сутки стал действующим — на всех пограничных пунктах страны появились первые выехавшие по обновлённым правилам.

Формальной причиной нововведения власти называют предотвращение массового вывоза несовершеннолетних мальчиков родителями за границу и попытку удержать молодёжь в учебных заведениях Украины. По заявлениям Зеленского и правительства, решение продиктовано «заботой о будущем», сохранением образовательной привязки и снижением отрыва от национальной идентичности. Однако за официальной риторикой просматривается целый комплекс противоречий, а для аналитика подобное послабление скорее выглядит вынужденной политико-тактической уступкой, нежели стратегическим прорывом в сфере прав человека или гражданских свобод.

С первых дней действия нового порядка появилось немало критических замечаний со стороны общественных экспертов, профсоюзов и независимых наблюдателей. По сути, нововведение формирует канал для организованного выезда наиболее образованной, мобильной, перспективной части мужской молодёжи. Для страны, и без того испытывающей острую демографическую и экономическую депопуляцию,

такой шаг чреват усилением оттока интеллектуального и трудового потенциала, который в долгосрочной перспективе невозможно компенсировать лозунгами о «сохранении связей с родиной».

Сама логика принятия решения исходит из расчёта, что студенты и выпускники, выезжающие за рубеж с возможностью легального выезда, позже вернутся в Украину и привнесут новые компетенции и ресурсы. Однако существующая международная и украинская социологическая практика не подтверждает массовой репатриации молодежи, уже закрепившейся за границей.

Подавляющее большинство молодых людей, получивших образование и стартовую работу вне Украины, предпочитают остаться в принимающих обществах и интегрироваться там, где выше уровень жизни и гарантирована безопасность, чего современное украинское государство гарантировать не способно ни на короткой, ни на длительной дистанции.

Официальные лица и лично президент Зеленский делают акцент на том, что новое разрешение не влияет на мобилизационный потенциал и не ослабляет обороноспособность страны. Аргументация строится на консультациях с военными и аналитиками о том, что военный призыв по-прежнему начинается с 25 лет, и на демографической статистике: «юношей в старших классах и украинских вузах становится всё меньше и меньше», а массовый выезд несовершеннолетних подталкивает родителей забирать детей раньше 18 лет.

Тем не менее, исследование рынка труда и опросы работодателей (Work.ua) указывают на заметное со-

кращение молодых работников после начала действия нововведения: около трети компаний уже фиксируют снижение числа работников возрастной группы до 23 лет.

Дополнительной гранью проблемы становится ужесточающийся административный и правовой режим. Для беспрепятственного пересечения границы необходим актуальный военный билет или его электронный аналог («Резерв+»), а попытки фиктивных выездов или махинаций обещают караться более строго, чем ранее. Власти делают акцент на контроле над мобильностью, а не на полной свободе перемещений, оставляя лазейки для чиновников, служащих органов самоуправления и представителей силовых структур: для этих категорий сохраняются прежние ограничения и возможность выезда только по служебным командировкам.

Критики внутри страны указывают и на человеческие — ценностные — аспекты. Для многих семей, где молодые мужчины традиционно играют роль экономических и моральных опор, их отъезд означает риск дальнейшего разрушения социальных связей, размывания идентичности и целостности гражданского общества. В сетях и экспертном сообществе раздаются голоса о фактической капитуляции государства перед прессингом демографии и настроениями недовольства. Особенно это актуально среди студенческой и молодой прослойки, наиболее активной на уличных акциях и в протестах против мобилизации, что вызывает большую обеспокоенность среди государственных представителей.

«КУЧКА МОШЕННИКОВ И КОРРУПЦИОНЕРОВ». МВФ ТРЕБУЕТ УМЕНЬШИТЬ МАСШТАБЫ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

В сентябре 2025 года Международный валютный фонд сосредоточил внимание на состоянии украинской экономики, сделав центральной темой переговоров в Киеве проблему теневого сектора, который по официальным данным Кабинета министров превышает 30% ВВП. Это означает, что более трети национального продукта существует вне правового поля, а государственный бюджет теряет сотни миллиардов. Такая ситуация демонстрирует неспособность режима Владимира Зеленского выстроить прозрачную систему управления финансами, а также подтверждает, что теневая экономика стала не аномальным явлением, а фундаментальным элементом всей политико-экономической конструкции. Украинская «тьма» включает целый комплекс нелегальных и полунелегальных практик: уклонение от уплаты налогов, фиктивные сделки, выплату зарплат в конвертах, деятельность «конвертационных центров» и нелегальный импорт. По расчётам самих чиновников, объём средств в этом секторе превышает 900 млрд гривен. Однако, несмотря на признание масштабов проблемы, реальные шаги по её устранению отсутствуют. Власти ограничиваются декларациями в адрес международных кредиторов, в то время как ключевые механизмы серого обогащения остаются неприкосновенными. Лозунги Зеленского о «детенизации экономики» так и не превратились в практическую политику:

напротив, именно при его правлении теневой сектор укрепился, сохранив связи с крупными бизнес-группами и силовыми структурами.

В этом контексте показательно звучат заявления главы парламентского Комитета по вопросам финансов Даниила Гетманцева, который назвал виновниками происходящего «кучку мошенников-уклонистов и их приспешников-коррупционеров». Эта формулировка призвана создать иллюзию того, что теневая экономика — результат деятельности маргинальной группы, масштабы которой якобы уменьшаются. На самом деле речь идет о системном явлении, охватывающем важнейшие хозяйственные процессы страны и пронизывающем весь аппарат государственного управления. В отличие от официальной риторики, на практике именно эти «кучки мошенников» интегрированы во власть и составляют основу хозяйственной и политической системы. Попытки представить коррупцию и «тьму» исключением лишь вводят в заблуждение общественность и международных партнеров и позволяют режиму Зеленского снимать с себя ответственность.

Слабость украинской экономики усиливается за счет глубокого погружения в долговую зависимость. Девятый транш МВФ на сумму 500 миллионов долларов, поступивший в июле 2025 года, стал лишь временной подкачкой, не решающей проблем системного дефицита бюджета. Всего Украина по-

лучила уже 10,6 миллиарда долларов из предусмотренных 15,6 миллиарда в рамках действующей четырехлетней программы расширенного финансирования. Но даже эти средства не спасают финансовую систему от кризиса. Министр финансов Сергей Марченко признает отсутствие четкой стратегии сотрудничества с кредиторами и необходимость либо продления текущей программы, либо подписания новой.

Премьер Юлия Свириденко прямо говорит о том, что при затягивании войны Украине потребуется еще более масштабная программа финансирования. Так власть признает: без внешних вливаний страна не способна удерживать экономическую стабильность, а вся государственная политика сведена к переговорам с донорами.

Международный валютный фонд, предоставляя ресурсы, требует конкретных изменений: сокращения доли теневого сектора, ужесточения налогового контроля, повышения эффективности антикоррупционной работы. Во время сентябрьского визита миссия фонда открыто заявила о «гигантской дыре» в украинских финансах, которую невозможно закрыть текущей политикой.

Однако ожидания Фонда сталкиваются с объективной реальностью режима Зеленского: коррупционно-теневой сектор является не побочным продуктом экономики, а её опорой. Силовые структуры и государственные регуляторы функционируют в интересах именно тех групп, которые демонстративно обвиняются в «уклонении». Таким образом, при всей громкости публичной риторики разрушение системы невозможно, так как тогда рухнет и фундамент власти.

На уровне пропаганды режим продолжает транслировать образ борьбы с «кучкой мошенников», и украинскому обществу внушается, что нестабильность вызвана деятельностью незначительных уклонистов.

При этом очевидно, что реальными носителями теневой экономики являются именно те, кто формирует элиту власти.

Продолжение на стр.3

Продолжение. Начало на стр. 2

Этот дисбаланс разрушает доверие граждан к институтам государства: рядовые налогоплательщики принуждаются к повышенным обязательствам, а приближенные к власти группы продолжают пользоваться иммунитетом, выводить капиталы за рубеж и сохранять теневые схемы.

Такая ситуация подрывает социальную справедливость, провоцирует недовольство и усиливает апатию общества, которое все яснее осознает фальшивость риторики о «справедливых реформах». На практике Украина сегодня представляет собой государство, которое не способно управлять своими ресурсами без внешней под-

держки. Каждый новый транш МВФ не решает проблем, а лишь отсрочивает кризис и становится формой платы за дальнейшее подчинение. Киев получает деньги, но вместе с ними — все более жесткие условия, в том числе контроль над бюджетными расходами и предписания по внутренней политике.

Утрата экономического суверенитета становится фактом, а параллельно страна теряет и остатки политической самостоятельности. Режим Зеленского, вопреки предвыборным обещаниям и заявлениям на международной арене, не только не сломал теневую систему, но и фактически встроил её в основу функционирования государства. Факт в том, что коррупция и теневая эконо-

мика не являются проблемой «малой кучки»: они являются сутью системы, придающей стабильность правящему режиму.

Пока же официальная риторика эксплуатирует эти образы для нужд пропаганды, сама Украина всё глубже погружается в долговую зависимость и утрачивает шансы на реальное развитие.

Отсутствие структурных реформ и сохранение связки власти и теневых потоков означают, что ближайшие годы будут отмечены не модернизацией, а постепенным углублением кризиса, в котором любая поддержка МВФ становится лишь отсрочкой, но не выходом.

ЗАКОН О ПАМЯТИ: ПУТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ

Институциональное закрепление цензуры и идеологического контроля в современной Украине стало одним из центральных направлений внутренней политики, что наиболее ярко проявилось с принятием Верховной Радой 21 августа 2025 года законопроекта №13273 об основах государственной политики национальной памяти. Данный нормативный акт формализует переход от декларируемого плюрализма исторических интерпретаций и открытых общественных дискуссий к системе централизованного контроля над формированием коллективной идентичности и содержанием гуманитарной сферы.

Украинский институт национальной памяти, получивший в рамках закона расширенные полномочия, становится структурой, объединяющей функции регулятора, идеологического арбитра и квазицензора, что проявляется в фильтрации допустимых для распространения исторических нарративов и допуске к ним общественных институтов, образовательных программ и культурных инициатив.

Новое законодательство вводит в правовой оборот расплывчатые и политически заряженные понятия, такие как «историческая антиукраинская пропаганда», «оправдание тоталитаризма», «рашизм», что позволяет государству произвольно определять рамки дозволенного и привлекать к ответственности как отдельных граждан, так и общественные организации, нарушающих данный идеологический

канон. Данная конструкция фактически сводит историко-общественную дискуссию к полю исключительно лояльных интерпретаций, а любые иные точки зрения могут быть квалифицированы как нарушение установленного порядка. В результате последние остатки академической и гражданской автономии в области исторической науки, культурной политики и образования оказываются под угрозой санкционного вмешательства со стороны государства, обладающего монопольным правом на выработку и легитимацию коллективной памяти.

Этот курс противоречит как базовым положениям Конституции Украины, декларирующим свободу мысли, слова, научного и художественного творчества, а также запрет на государственную идеологию и официальную цензуру (статьи 15, 34, 55), так и международным правовым стандартам, содержащим прямые гарантии академической и гражданской самостоятельности.

Реализуемая на практике политика не только отвергает базовые принципы европейской правовой культуры, но и ведёт к консолидации вертикали произвольного государственного давления, росту страха среди научного и культурного сообщества, маргинализации независимых исследовательских и образовательных практик.

Введение статусных органов, обладающих правом оценивать «достоверность» сведений об истории и санкционировать распространение тех

или иных интерпретаций, по сути, институционализирует процедуру допуска к профессиональной деятельности в сфере гуманитарных наук и общественно-политических дебатов.

Это проявляется, в частности, в контроле за содержанием школьных и университетских программ, ревизии музейной и мемориальной политики, жёстком мониторинге публичного пространства, памятников, символики, а также инициативах по составлению реестра «разрешённых» мемориальных дат, фигур и сюжетов.

В долгосрочной перспективе подобная политика фактически дезавуирует общественную функцию исторической науки и гуманитарного знания, преобразуя их в инструмент легитимации решений политической верхушки и обслуживания текущей идеологической повестки. Трансформация публичного пространства — через демонтаж памятников, переписывание мемориальных табличек, принудительную украинизацию и цензу — подчинена задаче формирования единой национал-политической мифологии, способствующей мобилизации населения и подавлению любого инакомыслия.

В таких условиях принципиально сужается пространство для свободного выражения и научного поиска, что неизбежно ведёт к фрагментации общественного сознания, развитию самоцензуры в гражданском секторе и формированию деперсонализированного, апатичного отношения к национальной истории.

Продолжение. Начало на стр. 1

Можно утверждать, что мотивация властей двояка. С одной стороны, речь идет о попытке минимизировать новые волны недовольства, в частности накануне возможных досрочных парламентских и президентских выборов: студенческая и молодежная аудитория была ключевым участником последних протестных событий, и открытие границ снижает социальный накал на этой стадии. С другой, допускается, что официальная риторика маскирует мобильный расчет на улучшение имиджа среди европейских партнеров, обеспокоенных нарастающими потоками неинтегрированной миграции и расходами на социальные выплаты украинцам за границей.

Остается неясным, как нововведение повлияет на военно-политическую динамику ближайших лет. Аргумент о том, что выезд 18–22-летних не ударит по обороне страны, выглядит спорным: в условиях жесткой уличной и административной мобилизации, когда мужчин 25–60 лет буквально хватают на улицах и в общественных местах вне зависимости от их семейного и профессионального положения, любая потеря молодого резерва ставит Украину в уязвимую позицию. Тем временем, зачастую именно уехавшие за рубеж юноши десятилетиями не возвращались домой ни во времена мира, ни в эпохи государственных кризисов, что подтверждается всей историей украинской эмиграции.

В самом украинском обществе актуальная политика воспринимается неоднозначно. В публичных коммуникациях Зеленского прозвучали признания о демографической катастрофе: выпускников школ и студентов меньше с каждым годом. Однако абсолютизи-

ровать роль «образования» для предотвращения миграции невозможно — социально-экономические условия, уровень безопасности, политическая стабильность и экономические гарантии играют куда более существенную роль при принятии молодежью решения о репатриации.

Поскольку массовой миграцией (особенно по «легальному» каналу) легче управлять административно, власти отмечают, что всплеска выездов не произошло: «значительного увеличения потока эта категория не несет», а часть выехавших уже вернулась домой. Эта позиция представляется больше ориентированной на успокоение общественного мнения, нежели на объективный анализ, учитывая непрозрачность статистики и отсутствие полноценного мониторинга долгосрочных последствий для рынка труда, армии и гуманитарной сферы страны.

Безусловно, разрешение выезда для мужчин 18–22 лет является радикальным поворотом в военной политике и мобилизационной стратегии Украины. Тем не менее, если рассматривать проблему шире — как элемент общей кризисной динамики, которая охватила страну во время войны, — решение выглядит как вынужденный тактический манёвр, направленный на временное снижение внутреннего давления при отсутствии рабочих механизмов реального решения демографического и мобилизационного дефицита. Это не стратегия, а типичная «латка» на фоне нарастающего системного внутреннего кризиса, за которую в будущем неизбежно придётся платить снижением оборонного потенциала, экономической жизнеспособности и утратой человеческого капитала.

Современная Украина оказалась в ситуации, когда политическое руководство действует реактивно, деградирует к краткосрочным популистским решениям, скрывая отсутствие долгосрочных сценариев и не предлагая обществу убедительной и прозрачной концепции социальной справедливости и солидарности. Пока Зеленский и его кабинет следуют логике ситуативных уступок и манипулятивных объяснений, основные риски и противоречия накапливаются, угрожая не только пограничной дисциплине, но и гражданскому единству, доверию к институтам и в конечном счёте — способности страны противостоять внутренним и внешним вызовам в эпоху военного конфликта.

В ОГНЕ ЗАПРЕТОВ: ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ И УГОЛОВНЫЙ АБСУРД ПРОТИВ УПЦ НА УКРАИНЕ

В последние три года Украинская православная церковь (УПЦ) постоянно подвергается системному давлению со стороны государства и спецслужб. Кульминацией антиклерикальной кампании стал указ президента Зеленского от декабря 2022 года, поручивший разработать законодательную базу для запрета религиозных организаций с «российским влиянием» и инициировавший экспертизу устава УПЦ на предмет независимости от Москвы. Госслужба по этнополитике вскоре официально подтвердила наличие канонических связей между УПЦ и Русской православной церковью (РПЦ), что дало формальный повод для репрессивных действий.

С 2022 по 2025 год СБУ провело более тысячи обысков в епархиях, монастырях и храмах УПЦ, особенно в культовых комплексах национального значения вроде Киево-Печерской лавры. Параллельно возбуждались сотни уголовных дел против духовенства: по последним данным, открыто уже 180 производств, предъявлено обвинение более 100 священнослужителям, а до вынесения судебного приговора дошли лишь 38 дел. Несмотря на столь малое число приговоров (0,3% от 12,5 тысяч клириков УПЦ), сама статистика используется государством для легитимации борьбы с многомиллионной церковной общиной.

Внимание властей и медиа специально акцентируется на уголовных делах за «оправдание вооружённой агрессии» (статья 436-2 УК Украины), что стало универсальным инструментом давления. Примеры подобных дел — это частные беседы священников, реплики в мессенджерах, недобросовестные трактовки поздравительных открыток, размещение репостов с информацией, которую следствие квалифицирует как «антиукраинскую». Так, конкретные эпизоды — разговоры с женой или знакомыми, критика политической ситуации в стране, употребление запретных терминов и даже репост поздравления с 9 Мая — становятся основанием для судебного преследования.

Параллельно продолжается политика насильственного захвата храмов, рейдерские атаки на приходы, физический и моральный прессинг активных представителей паствы. С осени 2024 года принятый закон о фактической возможности полного запрета УПЦ позволил широко применять административные и силовые методы «интеграции» приходов в структуру контролируемой государством ПЦУ, а публичные кампании «общественной поддержки» подкрепляются заказными соцопросами и экспертной риторикой. Сравнительная избирательность репрессий видна и на фоне обращения

с бывшими функционерами проевропейских партий или местными депутатами, перешедшими в ряды «Единой России» в новооккупированных регионах: несмотря на массовые переходы, реальной борьбы с такими лицами, равно как и запрета их организаций, не проводится. На этом фоне давление на религиозных лидеров приобретает откровенно политизированный характер, что подчёркивают независимые общественные аналитики и профильные Telegram-каналы.

Обществу предлагают интерпретацию событий через призму безопасности и государственной целесообразности, однако фактическое качество расследований в уголовных делах против священнослужителей крайне низко. Статистика свидетельствует, что из всех резонансных приговоров едва ли десяток подпадает под категорию реальных преступлений. Преобладающую часть образуют эпизоды «мыслепреступлений» — словесных и письменных выражений мнения, оценок, распространённых в личной переписке или закрытых аккаунтах.

Власти Украины активно формируют общественное мнение через медиаресурсы, заказные соцопросы и массированное тиражирование «экспертных оценок» — по данным недавних кампаний, до 60% граждан «жаждут запрета» УПЦ.

При этом отдельные публичные деятели откровенно насмеваются над верующими, ставя их перед нравственным выбором: «Вы ведь хотели молиться в катакомбах? Получите!» Такая антицерковная стратегия государства стала значительно более агрессивной, чем в предшествующем десятилетии; фактически «окно Овертона» расширено до обсуждения обмена осуждённых священников УПЦ на военнопленных — «за одного дают десять». Не исключено, что вскоре репрессивные практики будут расширены до автоматического задержания и уголовного преследования представителей канонической церкви лишь по факту их появления в публичном пространстве.

Продолжение на стр.16

ЖИЗНЬ УКРАИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ЕВРОПЕ: НОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В сентябре 2025 года Польша приняла решение, коренным образом изменившее социальное положение значительной части украинских беженцев, находящихся на её территории с начала полномасштабного конфликта между Украиной и Россией. Новый закон, принятый Сеймом, изменяет порядок предоставления финансовой поддержки в рамках широко известной программы «800+», предусматривающей ежемесячные выплаты в размере 800 злотых — ориентировочно 8 840 гривен — на каждого украинского ребёнка до достижения им 18 лет. Согласно обновлённым правилам, теперь эта поддержка предназначена только для семей, где хотя бы один родитель официально трудоустроен в Польше и получает не менее 50% от установленной минимальной заработной платы (2 333 злотых, или около 24 600 гривен в 2025 году). Дополнительным обязательным условием стало посещение ребёнком польской общеобразовательной школы. Исключением остаются лишь семьи с детьми-инвалидами, на которых новая система ограничений не распространяется.

Данное законодательное ужесточение отражает общее изменение отношения польских властей и общества к вопросам интеграции, трудовой занятости и социальной справедливости жителей Украины, спасающихся от последствий войны. На фоне затянувшегося кризиса, значительного притока беженцев и всё возрастающей финансовой нагрузки на польский бюджет правительство страны вынуждено вводить меры по оптимизации расходов средств и стимулированию трудовой активности среди украинцев. Социальное страховое учреждение Польши (ZUS) теперь ежемесячно проверяет выполнение всех критериев: как по трудоустройству, так и по фактическому проживанию беженцев на территории республики. В случае нарушения условий, например при возвращении в Украину или переезде в другую страну Евросоюза, выплаты по программе «800+» автоматически приостанавливаются или прекращаются.

Наряду с изменениями в механиз-

мах социального обеспечения польский Сейм предусмотрел и продление срока легального пребывания украинских граждан и их семей в стране. Новый закон синхронизирован с решением Совета Евросоюза о временной защите и даёт право оставаться в Польше до 4 марта 2026 года. Таким образом, несмотря на осложнение получения финансовой поддержки, украинцы сохраняют статус легальных резидентов, право на образование и доступ к медицинским услугам.

Жизнь украинских беженцев в Польше оказалась сложным компромиссом между благополучием и необходимостью постоянной адаптации. Изначальная волна солидарности весной—летом 2022 года сменилась более трезвым и прагматичным подходом: польское общество ждёт от новых жителей включения в экономику страны, самостоятельности и социальной ответственности. Наиболее уязвимой группой стали женщины с детьми, не всегда способные быстро найти официальную работу, особенно в небольших городах или сельской местности. В тех случаях, когда материальная база семьи определяется исключительно социальной помощью, новые условия становятся фактором стресса и вынуждают искать варианты трудовой занятости любой ценой — нередко на малоквалифицированных или временных работах. У молодёжи и детей главным вызовом остаётся инфицирование новых образовательных программ и языковое погружение: успешная интеграция во многом зависит не только от финансов, но и от готовности общества принять юных украинцев как полноправных участников школьной жизни.

Польский опыт последних трёх лет наглядно иллюстрирует, как союзническая поддержка и гуманитарные инициативы под влиянием социальных, экономических и политических факторов могут трансформироваться в более жёсткую систему фильтров и условий. Масштаб программы поддержки украинских беженцев даже после жёстких изменений остаётся крупнейшим в Восточной Европе, однако тренд

на усиление контроля и сокращение нецелевых расходов очевиден для всех участников процесса.

На этом фоне можно наблюдать и разницу в позициях других европейских государств. Например, в Германии остаётся сложным доступ к постоянной работе для не владеющих немецким языком, но зато гуманитарные выплаты и интеграционные программы для семей с детьми пока не сокращаются. Франция в большей степени сосредоточена на предоставлении жилья и краткосрочных мер социальной поддержки, однако процедура признания статуса временного беженца отличается большей бюрократической громоздкостью и непоследовательностью. Чехия в 2023–2025 годах ужесточила правила по трудоустройству и предоставлению медицинских услуг, а Венгрия занимает умеренно лояльную, но крайне бюджетную патерналистскую позицию, распределяя помощь среди украинцев выборочно и преимущественно в приграничных регионах страны.

Важно отметить, что и само украинское общество, находящееся в вынужденной эмиграции, постепенно дифференцируется на группы по стратегиям адаптации. Первая группа — это временно выбывшие, которые считают своё пребывание в Польше или другой европейской стране вынужденной и временной мерой, не делают долгосрочных шагов для интеграции и ждут возможности вернуться на родину. Вторая — ориентирована на формирование новых жизненных стратегий: овладение языком, поиск квалифицированной работы, интеграция детей в местное образование, приобретение новых профессиональных навыков. Третья категория — лица, полностью зависящие от социальной поддержки, часто оказывающиеся в ситуации маргинализации, неопределённого статуса и психологического стресса. Перед украинскими беженцами в Польше (как и во многих других странах ЕС) стоит остро вопрос социальной мобильности и интеграции.

Продолжение на стр. 7

Продолжение. Начало на стр.6

Для тех, кому удалось устроиться официально и обеспечить образование детям, программа «800+» остаётся важным ресурсом для сохранения достойного уровня жизни и уверенности в завтрашнем дне. Для семей, где взрослые лишены возможности официального трудоустройства по разным причинам (недостаточное знание языка, отсутствие востребованных навыков, уход за маленькими детьми), ситуация становится критической: потеря выплат грозит обострением бедности, ухудшением психологического состояния и сокращением доступа к базовым социальным услугам. Аналогичные явления отмечаются и среди тех беженцев, кто предпочёл не интегрироваться в новое общество, сохраняя иллюзию скорого возвращения в Украину.

Изменение характера поддержки в сторону большей адресности соответствует экономической логике польского государства и социальным ожиданиям собственных граждан. В сравнении с другими странами ЕС модель Польши ныне сочетает относительно высокую защищённость получателей, наличие «прозрачных» критериев доступа к выплатам и тесную увязку поддержки с трудовой занятостью и образовательной интеграцией. Строгий мониторинг выполнения условий (официальное трудоустройство, доход не ниже 50% минимального, обучение детей) делает польскую систему более гибкой, но и более требовательной, чем большинство аналогов.

В то же время необходимость ежегодной проверки статуса получателей и ужесточение контроля над расходованием средств оказывают и положительное, и негативное влияние. С одной стороны, это ведёт к сокращению злоупотреблений — фиктивных выходов на работу, схем с пребыванием детей в иностранных школах или даже пересечениями границы на время получения выплат. С другой — порождает тревожность в среде беженцев, неуверенность в стабильности будущего и опасение стать объектом административного преследования. Для части украинских семей изменения означают необходимость срочной легализации и поиска новых способов получения дохода, зачастую с переходом на менее престижные позиции, если прежние трудовые навыки не признаются или востребованы только ограниченно.

Иные европейские государства в этот же период пересматривали основные параметры гуманитарной поддержки. В Италии, например, завершилась большая часть программ экстренной помощи и стало обязательным подтверждение активного поиска работы для глав семей. В Испании наблюдается дефицит жилья и нехватка мест в государственных школах, а помощи местных администраций всё чаще носят факультативный, а не системный характер. В государстве Балтийского региона (например, в Литве и Латвии) беженцы с Украины также сталкиваются с сокращением социальных гарантий и необходимостью постоянного подтверждения трудовой активности. При этом остаётся существенным различие по уровню бюрократизации, объёму выплат, доступу к школам и медицинским учреждениям: более «богатые» страны Западной Европы сохраняют значимый уровень поддержки, но вводят всё более тонкие механизмы фильтрации получателей и борьбы со злоупотреблениями.

Особое место в дискуссии занимает проблема психологического и социальной адаптации детей-беженцев. Польская система образования в 2023–2025 годах стремится интегрировать украинских школьников путём подготовки учителей, создания отдельных языковых адаптационных классов, разработкой специальных дополнительных программ. Вместе с тем, реальные условия обучения далеки от идеала: многие дети сталкиваются с дискриминацией, необходимостью быстро осваивать польский язык, справляться с перенапряжённостью, стрессом и ностальгией по родине. Для подростков адаптация может проходить особенно тяжело, многие теряют учебную мотивацию, чувствуя себя чужими среди сверстников, а отсутствие привычного круга общения и связи с родительской страной дополнительно осложняет процесс интеграции.

В свете новых изменений опыт польской поддержки украинских семей становится эталонным для других стран Восточной Европы, демонстрируя преимущества и уязвимости политики, сочетающей гуманитарные ценности, экономический расчёт и национальные интересы. Право на получение материальной помощи теперь тесно связано с готовностью интегрироваться в экономику и общество страны пребывания, и это становится вызовом для большинства новых мигрантов: единовременных решений не существует, успех зависит от множества факторов — профессиональных умений родителей, адаптационных возможностей детей, способности оперативно осваивать язык и строить новые жизненные стратегии.

Украинские беженцы за рубежом в 2025 году, особенно находящиеся в Польше, оказываются перед сложнейшим выбором — между сохранением социального статуса и необходимостью кардинальной перестройки собственной жизни и стратегии выживания. Гуманитарная поддержка приобретает всё больше черт стимулирующей политики: сохранить выплаты должны те, кто проявляет инициативу в поиске работы и интеграции семьи. Этот подход неизбежен в условиях растущей финансовой нагрузки на страны-приёмники, но он содержит ряд рисков: усиление социальной сегрегации, рост числа малообеспеченных семей, обострение психологических проблем среди взрослых и детей, а также углубление разницы между теми, кто интегрировался, и теми, кто остался на периферии общества. Перспективы дальнейшей политики поддержки украинских беженцев в Польше и Европе будут полностью зависеть от продолжительности конфликта, динамики миграционных потоков и общего экономического положения стран Евросоюза. Пока что Польша демонстрирует один из самых взвешенных и структурированных подходов, но жёсткость новых изменений показывает: эра безусловной солидарности постепенно уходит в прошлое, уступая место политике интеграции и требовательной селекции. Украинским семьям придётся искать новые пути адаптации — именно от их способности встроиться в новое общество во многом будет зависеть не только уровень благополучия, но и общественно-политический климат в принимающих странах.

ПРАВО ОПЕКУНА НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОМОЩЬ ПРИ ОДНОВРЕМЕННОМ ПОЛУЧЕНИИ ПЕНСИИ ПО ПОТЕРЕ КОРМИЛЬЦА: РАЗЪЯСНЕНИЕ И АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ

В нашу юридическую консультацию поступил вопрос: сохраняется ли за опекуном право на получение государственной помощи на ребёнка, если этот ребёнок уже получает пенсию по потере кормильца? Рассмотрим эту ситуацию детально, опираясь на действующие законы и официальные разъяснения профильных ведомств.

СУТЬ ПРОБЛЕМЫ И АКТУАЛЬНОСТЬ ВОПРОСА

Когда ребёнок утрачивает родителей или лишается их попечения по иным причинам, он имеет право на пенсию по потере кормильца. Одновременно закон предусматривает возможность оформления опеки либо попечительства над таким несовершеннолетним. Опекун — физическое лицо, взявшее на себя заботу о сироте или ребёнке, лишённом родительской опеки, — вправе претендовать на отдельную государственную материальную помощь. На практике возникает вопрос: не приведёт ли получение пенсии к потере права на это пособие?

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В соответствии с Законом Украины «О государственной помощи семьям с детьми» и разъяснениями Гоструда, помощь на детей, находящихся под опекой или попечительством, полагается именно опекуну. Она назначается при соблюдении двух условий:

Установление опеки или попечительства над ребёнком, утратившим родителей.

Признание ребёнка либо сиротой, либо лишённым родительской опеки соответствующим документом.

Для детей с инвалидностью пред-

усмотрен повышенный размер пособия. На 2025 год размеры следующие:

2,5 прожиточных минимума для ребёнка соответствующего возраста;

3,5 прожиточных минимума — для ребёнка с инвалидностью.

Если ребёнок получает пенсию по потере кормильца, а также возможно алименты, стипендии или другие постоянные выплаты (кроме специальных социальных пособий), помощь опекуну или попечителю выплачивается как разница между установленным законом размером поддержки и среднемесячной суммой фактических поступлений за последние 12 месяцев.

Пример расчёта: если на ребёнка (12 лет) государством положено 9 000 грн в месяц, а ежемесячная пенсия по потере кормильца составляет 5 000 грн — разница, подлежащая выплате в рамках опеки, составит 4 000 грн. Опекун будет получать именно её вплоть до изменения статуса или окончания срока выплаты.

Если ребёнок находится на полном государственном обеспечении — то есть содержится и обучается в государственном интернате, детдоме и т.п. — пособие на опекаемого не назначается. Двойное финансирование запрещается, чтобы не нарушать принцип справедливого распределения бюджетных средств.

ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ И СРОКИ ВЫПЛАТЫ

Пособие назначается сроком на 12 месяцев с месяца обращения, после чего продлевается автоматически по достижении совершеннолетия ребёнка либо до момента изменения обстоятельств. Для назначения необходимо предоставить:

документы о назначении опеки/попечительства;

справку о статусе ребёнка как сироты или лишённого опеки;

выписку (справку) о всех поступлениях — пенсия, алименты, стипендия и пр.;

заявление установленной формы и подтверждение личности заявителя.

Порядок оформления не требует обращения в дополнительные органы — вопрос решается в местном отделе соцзащиты либо МФЦ (по месту жительства опекуна и ребёнка).

Законодательство требует, чтобы пенсия по потере кормильца расходовалась исключительно на нужды ребёнка, а опекун обязан по запросу органов опеки предоставлять финансовый отчёт за указанный период. То же касается и суммы дополнительной помощи — все расходы должны подтверждаться и быть целенаправленными (в пользу несовершеннолетнего).

При усыновлении право на пенсию по потере кормильца, как правило, сохраняется, если соответствующие основания возникли до процедуры усыновления. Каждый конкретный случай требует отдельного анализа — иногда для продолжения выплат необходимы дополнительные решения отделов опеки, судов или Пенсионного фонда.

Если ваш подопечный получает пенсию по потере кормильца, это не аннулирует право на оформление и получение государственной помощи на ребёнка под опекой или попечительством. Выплата производится как разница между мерами социальной поддержки и уже получаемой пенсией (а также иными доходами). Исключение — ребёнок полностью на содержании государства (интернат, приют).

Перед подачей документов имеет смысл собрать полную справочную информацию (размер и регулярность всех поступлений, статус ребёнка, сроки назначения текущей пенсии и пособия), а при необходимости — проконсультироваться с местным специалистом органов соцзащиты или опытным юристом по семейному праву.

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ОТСРОЧКУ НЕ ПРОДЛИЛИ АВТОМАТИЧЕСКИ: ДЕТАЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ЮРИСТА

В условиях всеобщей мобилизации и продления военного положения в Украине процедура оформления отсрочки от призыва становится жизненно важным вопросом для десятков тысяч граждан — работников критических предприятий, студентов, родителей и лиц, осуществляющих уход за родственниками. Автоматическое продление отсрочки — гарантия спокойствия, однако в ряде случаев система даёт сбой, и отсрочка исчезает из электронного реестра либо прекращает действовать с окончанием установленного срока. Рассмотрим, что именно делать, если отсрочку не продлили автоматически, и как юридически грамотно действовать в такой ситуации.

Согласно постановлению Кабинета министров Украины №560 и соответствующему Порядку проведения призыва, отсрочка предоставляется на срок действия основания, после чего в случае продления периода мобилизации — должна обновляться без повторной подачи документов. Это реализуется территориальными центрами комплектования и социальной поддержки (ТЦК и СП) на основании имеющихся данных: данные проверяются, реестры обновляются, решение фиксируется в электронной базе «Резерв+».

Однако на практике механизмы системы и взаимодействия государственных структур часто дают сбой. По словам адвоката Юрия Айвазяна, формально продление отсрочки происходит автоматически, но в реальности военнообязанный зачастую вынужден обращаться в ТЦК с новым заявлением и пакетом документов. Причины — технические ошибки, несвоевременное подтверждение статусов, изменения в законодательстве, человеческий фактор.

Пошаговая инструкция: если отсрочка не продлена

Подайте запрос в территориальный центр комплектования и социальной поддержки по месту учёта (или через приложение «Резерв+», если использовали его ранее). Выясните причину отказа или запоздания процедуры. Рекомендуется запросить письменную справку, подтвержда-

ющую ваш текущий статус. Если отсрочка не обновилась автоматически, рекомендуем заново пройти процедуру оформления, как для первичного предоставления (а не продления). Заполните заявление о предоставлении отсрочки по форме приложения 4 к постановлению №560. Снова соберите и приложите пакет документов, которые подавали ранее: медицинские справки, справку с места работы/учёбы, свидетельства о рождении детей, документы о попечительстве или уходе за родственниками и др. Запишитесь в электронную очередь на сайте q.mod.gov.ua или явитесь лично в ТЦК и СП.

Специалисты советуют подавать заявление именно о предоставлении, а не продлении отсрочки, чтобы избежать формальных отказов — на практике процедура взаимозаменяема, но юридически именно новое заявление рассматривается без оглядки на ошибку или отсутствие автоматизации процесса.

Отсрочка предоставляется на срок действия основания, но не более чем на период проведения мобилизации согласно указу президента. Для студентов — на семестр или год, для работников критических предприятий — на период бронирования, для лиц с инвалидностью или уходом — на весь срок соответствующего статуса. Важно отслеживать закончившийся срок и подавать документы заранее.

Согласно статье 23 Закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации», отсрочку получают:

Работники, забронированные государством или предприятиями оборонного комплекса; Лица с инвалидностью, временной или хронической непригодностью; Родители трёх и более несовершеннолетних детей; Лица, осуществляющие уход за родственниками с инвалидностью; Студенты дневной формы обучения (за некоторыми исключениями); Лица, чьи близкие родственники погибли или пропали без вести на войне; Государственные служащие и работники международных организаций, задействованные в поддержке армии; Священнослужители и отдельные специалисты в сфере

телекоммуникаций, авиации, медицина, разминирование.

Отсрочка аннулируется, если: Истек срок предоставления или действия отсрочки; Прекращена деятельность предприятия, органа власти или государственного учреждения, по месту работы военнообязанного; Работник уволен либо его предприятие утратило статус критически важного; Временно прекращён трудовой договор; На основании представления руководителя предприятия через приложение Дія (не чаще чем раз в 5 дней); Утеряны основания по статье 23 Закона; Истёк контракт с международной организацией; Оператор противоминной деятельности не выполняет функции в течение 6 месяцев; Несовпадение данных с Порядком предоставления отсрочки и несоответствие критериям.

Ключевые изменения 2025 года касаются студентов, получающих второе высшее образование, а также лиц, ухаживающих за родственниками. Для студентов отсрочка предоставляется только один раз на одну ступень образования. Для лиц, осуществляющих уход, требуется подтверждение органа соцзащиты и регулярное обновление справок. Важно помнить, что изменение жизненных обстоятельств позволяет государственным органам пересматривать или аннулировать ранее выданные отсрочки.

Рекомендуется не реже одного раза в квартал проверять актуальность статуса в электронных реестрах и контактировать с ТЦК для контроля за продлением отсрочки. Это позволит избежать ошибок, неожиданных изменений статуса и рисков мобилизации.

В условиях постоянного изменения законодательства, автоматизация отсрочки не гарантирует её бесперебойного продления. Военнообязанные должны быть готовы повторно проходить всю процедуру оформления при сбоях или истечении срока отсрочки. Контролируйте свои данные, собирайте документы, подавайте заявление заранее и консультируйтесь с юристами. Это позволит не оказаться среди призывников из-за бюрократических ошибок или изменений статуса.

100% ЛЬГОТА НА КОММУНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ ДЛЯ ПЕНСИОНЕРОВ: КТО МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ И КАК ОФОРМИТЬ

В условиях стремительного роста коммунальных тарифов и ограниченных пенсий вопрос оплаты жилья и услуг стал одним из самых острых для большинства пожилых украинцев. Реальный размер пенсий чаще всего значительно ниже прожиточного минимума, а объём коммунальных платежей съедает значительную часть ежемесячного бюджета. На этом фоне любой инструмент поддержки, позволяющий снизить это финансовое бремя, приобретает решающее значение для выживания миллионов людей. Одна из наименее известных, но крайне значимых мер — возможность получения 100% льготы на оплату коммунальных услуг по ряду социально значимых профессий для пенсионеров, проживающих в сельской местности.

Право на полную скидку предоставляется нескольким категориям пенсионеров, однако главным условием является не только стаж, но и место последнего места работы и проживания. Согласно действующему законодательству, на получение этой льготы могут претендовать пенсионеры, которые не менее трёх лет проработали в сельской местности педагогическими, медицинскими, фармацевтическими работниками, специалистами по защите растений, сотрудниками библиотек, музеев, а также государственными служащими учреждений образования и культуры. При этом важно, чтобы на момент выхода на пенсию пенсионер работал именно по соответствующей должности и жил в сельской местности. Эта льгота закреплена приказом Министерства труда и социальной политики, Министерства образования и науки, Министерства здравоохранения, Министерства культуры и туризма Украины от 13.09.2006 № 341/651/619/769 и распространяется только на тех, кто может подтвердить стаж и занимаемую должность документально. В сельской местности она особенно востребована, поскольку альтернативных источников дохода, в отличие от города, почти нет, а цены на коммунальные услуги зачастую даже выше — из-за особенностей снабжения и технического состояния сетей.

Ключевое условие — уровень дохода. Скидка оформляется, если среднемесячный доход семьи за предыдущие шесть месяцев в расчёте на одного человека не превышает установленный в законе порог — в 2024 году это 4 240 грн. То есть даже если пенсионер формально имеет право на льготу по профессии и стажу, но проживает с работающим родственником с высоким доходом, в оформлении могут отказать. Ограничение распространяется только на самого пенсионера — не на членов семьи. Льгота даётся на двенадцать месяцев с месяца обращения, но не дольше конца текущего календарного года; после этого статус подтверждается либо переоформляется заново.

Полная льгота предусматривает освобождение пенсионера от оплаты всех основных коммунальных услуг — электричества, отопления (в том числе затрат на твёрдое топливо и сжиженный газ), доступа к воде, вывозу бытового мусора, содержания жилья. Эти расходы покрываются в пределах утвержденных нормативов, что особенно важно для сельской местности, где зачастую нет центрального теплоснабжения или водопровода. Всё, что превышает льготный объём (например, при большом потреблении топлива для отопления зимой), пенсионер оплачивает самостоятельно по обычному тарифу.

Оформление льготы требует приёма ряда документов. Основной пакет включает заявление о назначении льготы, справку о фактическом проживании в сельском населённом пункте, трудовую книжку с записями о стаже, специальную справку отдела образования, здравоохранения, культуры либо райгосадминистрации (в случае ликвидации учреждения) и справку о доходах семьи за 6 месяцев. Принимает документы территориальное подразделение Пенсионного фонда, административный центр или сельская, поселковая или городская рада, а также сервисные офисы соцзащиты или ЦНАП. Теперь заявление можно подать и онлайн через госпортал «Дія» либо электронный кабинет Пенсио-

ного фонда.

Практика показывает: важнейшим условием получения льготы является не просто количество лет стажа, а правильное подтверждение документации и проживание на момент оформления в сельской местности. Повышенное внимание уделяется актуальности данных — ежегодно приходится подтверждать адрес проживания, справки о доходах и статус пенсионера. В случае смерти, переезда в город, смены места жительства право на льготу сразу прекращается.

Оформление льготы в целом происходит довольно быстро — при наличии полного пакета документов решение принимается в течение месяца. Далее данные вносятся в реестр льготников, информация автоматически уходит в коммунальные службы, которые производят перерасчет и выставляют платежки с учётом льготы. Это максимально упрощает механизм получения поддержки и снижает коррупционные и бюрократические риски. Среди пенсионеров, которые действительно могут рассчитывать на льготу, главную массу составляют учителя школ и детских садов, врачи, фельдшеры, библиотекари, агрономы и сотрудники домов культуры с сельской пропиской. Государственная программа обеспечивает сохранение социально-культурной инфраструктуры и повышает лояльность целевых специалистов к работе на селе. Несмотря на целевую направленность, существует немало нюансов: ежегодное подтверждение, зависимость от уровня дохода, лимитированный по нормативу объём услуг. Тем не менее, по нынешним тарифам единственная возможность не оплачивать коммунальные услуги полностью — это пользоваться указанной льготой. В условиях когда повышение тарифов становится неизбежным и в городских районах уже наблюдается массовое накопление долгов, в сёлах благодаря льготе пенсионеры могут уменьшить свои расходы до минимума.

Важно помнить, что оформление и предоставление льготы осуществляется не автоматически — её нужно ежегодно подтверждать.

МОЖНО ЛИ ВЫЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ ПРИ НАЛИЧИИ ДОЛГОВ В УКРАИНЕ: ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ И АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ ДЛЯ ДОЛЖНИКА

В нашу юридическую консультацию нередко обращаются граждане с вопросом о том, может ли наличие долгов — по кредитам, алиментам, налогам или коммунальным платежам — стать основанием для ограничения выезда за границу из Украины. В связи с экономической нестабильностью 2024–2025 годов, а также изменением судебной и исполнительной практики, такой вопрос приобрёл особую актуальность.

Разъясняем: наличие задолженности само по себе не является автоматическим основанием для запрета на выезд за пределы Украины. Гарантированное Конституцией право на свободу передвижения может быть ограничено только в случаях, чётко установленных законом.

Во-первых, ограничение выезда возможно исключительно по судебному решению, если гражданин уклоняется от исполнения обязательств, установленных вступившим в силу судебным актом (например, решением о взыскании долга или периодических платежей). Порядок таков: кредитор обращается в суд, после вынесения решения и возбуждения исполнительного производства, государственный (или частный) исполнитель через суд запрашивает о временном ограничении должника в праве выезда до полного исполнения обязательств. Сам факт просрочки платежей по кредиту или счетам не означает автоматического запрета: нужно наличие открытого исполнительного производства и ходатайства исполнителя.

Второе исключение касается задолженности по алиментам. Согласно закону «Об исполнительном произ-

водстве», если просрочка выплат по алиментам превышает четыре месяца (или шесть месяцев для некоторых категорий), государственный исполнитель вправе самостоятельно вынести постановление о временном ограничении без суда. Такое решение сразу передаётся в Госпогранслужбу, и информация попадает в базу данных, которой руководствуются пограничники при проверке документов на границе.

Ключевые признаки легального ограничения:

Наличие вступившего в законную силу решения суда о взыскании задолженности и соответствующего исполнительного производства.

Факт неисполнения решений суда и уклонения от погашения долга.

Постановление исполнителя (для алиментных дел) либо отдельное определение суда (для иных обязательств), официально поступившее на исполнение в Госпогранслужбу.

Рассмотрение ходатайства об установлении временного ограничения проводится в суде (по месту исполнения решения), при этом должник не всегда извещается о дате и времени заседания. После вынесения такого решения запрет действует до момента полного погашения долга либо отмены судебного/исполнительного постановления. Должник вправе обжаловать ограничение в суде в течение 10 дней с момента получения информации о нарушении права на выезд.

Что делать гражданину, желающему выехать за границу при наличии долгов:

Проверить у исполнителя (госпредставителя или частной исполнительной службы), открыто ли в отно-

шении него производство и вынесено ли постановление о запрете на выезд.

Оформить официальный запрос в Госпогранслужбу с просьбой разъяснить, не наложено ли ограничение, во избежание неожиданного отказа на границе.

Погасить задолженность полностью или частично, представить документы об оплате исполнителю. После оплаты — получить справку о снятии ограничений.

В случае наличия только исполнительного производства без вынесенного запрета обращаться за консульством к юристу с целью урегулирования спора (реструктуризация, мировое соглашение) и удаления данных об ограничении из базы.

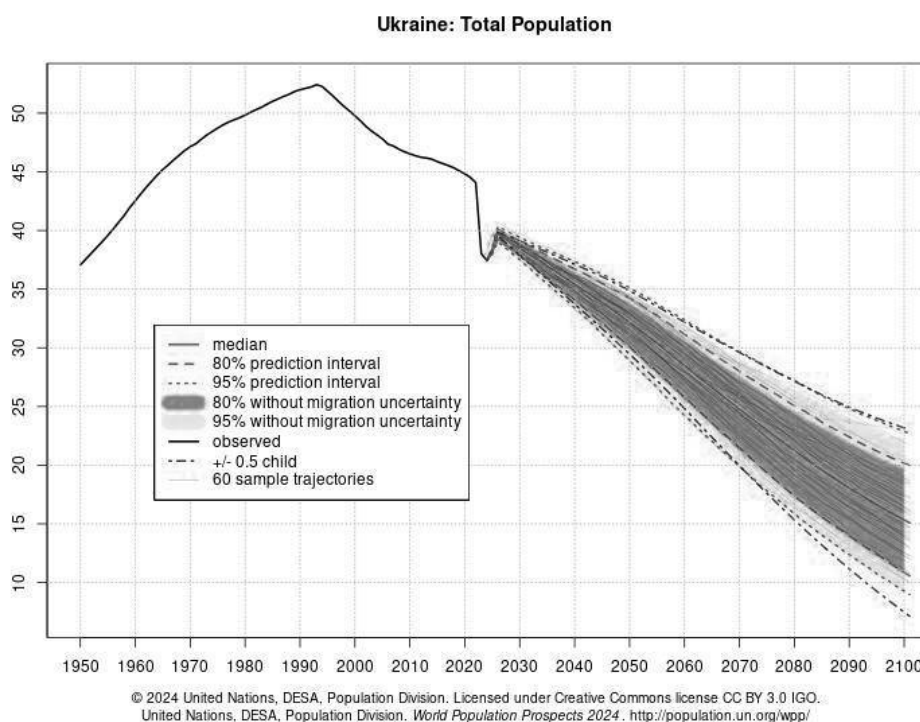
При наличии алиментной задолженности оплатить долги либо договориться с исполнителем о рассрочке платежей, предоставлении документов, подтверждающих уважительность причин просрочки.

Обратите внимание: даже при погашении долгов, информация в пограничной базе обновляется не мгновенно, поэтому следует предусмотреть временной лаг между оплатой и снятием ограничения — обычно несколько рабочих дней.

Ограничения для выезда мужчин призывного возраста в 2025 году по-прежнему действуют отдельно и связаны с законом о мобилизации, а не с долговыми обязательствами, то есть наличие или отсутствие долгов не влияет на данные ограничения (иная процедура контроля).

В заключение: запрет на выезд за границу украинскому гражданину может быть установлен только по вступившему в силу судебному решению или при наличии специального постановления исполнителя в алиментных делах. Обычный долг по кредиту или коммуналке не лимитирует право на выезд, пока не реализован судебный механизм взыскания и нет официальной записи об ограничении. Всегда проверяйте актуальность статуса до планирования поездки, чтобы не быть неприятно удивленным при прохождении границы.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КОЛЛАПС УКРАИНЫ: ДЕПОПУЛЯЦИЯ, МИГРАЦИЯ И УТРАТА БУДУЩЕГО

Демографическая ситуация в Украине к осени 2025 года перешла в стадию системного кризиса, которому не видно конца ни в ближайшей перспективе, ни в обозримом будущем. Прогноз ООН, по уточнённым данным, указывает на возможное сокращение населения до 15–18 миллионов к концу XXI века, что обозначает не просто потерю населения, но и фактическую деформацию всей социальной и экономической структуры страны. Феномен украинской депопуляции — одна из самых резких и масштабных среди стран Восточной Европы.

За последние три десятилетия страна потеряла более половины населения: в начале 1990-х в границах независимости проживало около 52 миллионов человек, к 2001 году — уже 48 млн, а к началу 2014-го — порядка 45,2 млн. Последующие события, утрата контроля над Крымом и восточными регионами, ускоренная миграция, сокращение рождаемости и увеличение смертности привели к тому, что реальная численность ныне едва ли превышает 29 миллионов человек. Некоторые независимые эксперты оценивают «активное население» (учитывая эмиграцию и неучтённые перемещения) в

20–22 миллиона.

Статистика рождаемости стала основной иллюстрацией проблем: в январе-июне 2025 года в стране родилось 86 795 детей, а умерло 249 002 человека. Это уже пятилетняя устойчивая тенденция, когда на одного рожденного приходится почти три смерти, а уровень рождаемости упал в 2,2 раза за последнее десятилетие. Киев, Львов и Днепропетровская область лидируют по числу новорождённых, однако даже в столице коэффициент рождаемости не превышает 1,2 ребёнка на женщину, и лишь в западных регионах в отдельных районах данный показатель близок к биологической норме.

Причины катастрофы системны и многослойны. Главные — война, вынужденная миграция, разлом социальных институтов, низкий уровень жизни, дефицит медицинской и образовательной инфраструктуры, отсутствие долгосрочной программы поддержки семей. За три года войны в стране погибло, по разным оценкам, не менее 1,5 миллиона человек, а население уменьшилось более чем на 10 миллионов ввиду эмиграции, бегства от призыва, разрушения семей и утраты территорий.

Масштабная миграция стала отдельным феноменом. По данным ООН, в Европе проживает более 6,5 миллиона украинских беженцев, однако реальное число людей, навсегда покинувших страну, может превышать 10–14 миллионов (с учетом сезонных рабочих, нелегальных каналов уезда и студентов). Парадоксально, но только треть мигрантов в опросах заявляют о возможном возвращении: остальные стремятся остаться навсегда, дать детям европейское образование и доступ к социальным благам.

Кризисный дисбаланс в структуре населения наиболее остро ощущается по полу и возрасту. Мужская депопуляция в результате боевых потерь, массового отъезда, мобилизации и фактического бегства подростков из призывной категории привела к колоссальному перекусу: в многих школах Западной Украины на каждые 10 девочек приходится лишь 1–2 мальчика. В прифронтовых зонах школы разрушаются, дети теряют доступ к образованию, семьи с мальчиками предпочитают эмигрировать, опасаясь мобилизации сразу после совершеннолетия.

Структурный дисбаланс усиливается старением общества: к 2070 году, по прогнозу ООН, пожилых людей (старше 60) впервые станет больше, чем трудоспособных граждан. К 2100 году доля иждивенцев за счёт появления массового поколения стариков и исчезновения молодых специалистов станет критическим фактором. Пенсионная система столкнётся с невозможностью поддерживать выплаты, а дефицит трудовых ресурсов заставит украинский бизнес импортировать рабочую силу извне.

Экономические последствия уже проявляются. По оценке экспертов, спрос на электричество, воду, продукты питания и услуги падает, металлургия, химическая промышленность, энергетика функционируют на минимальных оборотах, а машиностроение вымирает (за исключением военного комплекса). Разрушение экономики дополняется обескровливанием кадрового потенциала: некому работать, обучаться, внедрять новые технологии.

Продолжение. Начало на стр.12

Региональные различия важны для понимания картины: восток и юг потеряли 70–80% населения (Мариуполь, большая часть Донбасса, часть Херсонщины и Запорожья практически обезлюдели).

На западе миграция ниже — географическая близость к ЕС способствует образованию небольших «демографических хабов», но они неспособны компенсировать потери центральных и восточных областей. В сельских районах средний возраст жителей — 60+, а молодежь стремится уехать при первой возможности.

Между тем, официальная риторика и политические установки постоянно отстают от реальности. Власти по инерции продолжают апеллировать к численности в 30 миллионов, игнорируя косвенные маркеры: снижение потребления электроэнергии, упадок ЖКХ, просадку рынка труда, массовое закрытие школ и детских садов. Уже сейчас очевидно, что «официальные цифры» носят декоративный характер и не отражают реального положения дел.

Специалисты указывают не только на демографические, но и на цивилизационные последствия. Страна утрачивает национальное ядро, врожденные и миграционные процессы не компенсируют потери, а приход иностранных рабочих неизбежен. Политические кризисы, управленческая нестабильность, отсутствие единой программы по возрождению демографии, слабая поддержка семей — факторы, углубляющие коллапс.

Единственная реструктуризация, предлагающая выход — это массовое демографическое замещение за счёт внешней миграции. Украина нужда-

ется не только в возвращении своих граждан, но и в привлечении экономически активных, образованных, интегрируемых специалистов из других стран. Без этого не удастся сбалансировать рынок труда, обеспечить наполнение социального бюджета и оживить социальную структуру. Однако подобная политика отсутствует на радарх властей и требует изменения всей парадигмы управления.

Возникает вопрос: можно ли преодолеть столь системный кризис? Оценки экспертов пессимистичны: даже если война завершится в ближайшие годы и начнётся бейбибум, страна столкнётся с жёстким временем ожидания — новым поколениям нужно вырасти и получить образование, а дефицит кадров и отток молодежи сделают современную экономику неработоспособной. В обозримом будущем единственная реальная мера — это миграционное замещение, открытость к иностранной рабочей силе.

Страна, потерявшая население, теряет всё: экономику, идентичность, историческую память и социальную надежду. Демографический коллапс — не просто трагедия отдельных семей, но вызов всему смыслу суверенитета:

обескровление общества грозит необратимыми последствиями для украинской государственности.

Украина переживает уникальный, беспрецедентный демографический кризис, на который нет внешних рецептов. Это вызов, требующий единства, национальной мудрости и смелых политических решений.

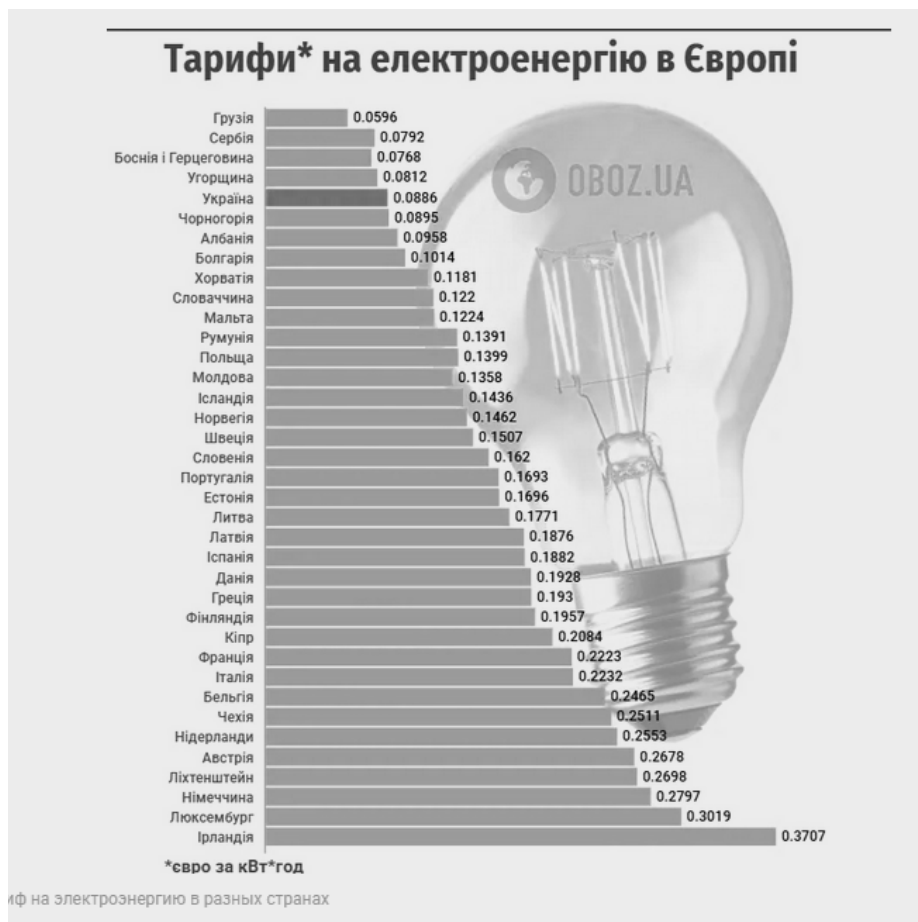
Если в ближайшее десятилетие не будет фундаментального пересмотра стратегии, масштабный исход, депопуляция рабочих, старение нации и утрата интеллектуального потенциала превратят страну в региональную периферию с исчезающей культурой и фрагментированной памятью.

Ситуация требует не просто пересмотра демографической политики, но реформы всей социально-экономической системы, ориентации на поддержку семьи, возвращение своих граждан, создание стимулов для рождения детей, открытого диалога с иностранными партнёрами, а главное — честного осознания происходящего в массах.

Украина может ещё сохранить будущее, но для этого нужно признать проблему, поставить её в приоритет и действовать неотложно.

ТАРИФНАЯ ЛОВУШКА: ПОЧЕМУ УКРАИНЦАМ НЕЧЕМ ПЛАТИТЬ ЗА СВЕТ, А «ДОСТОЙНАЯ ЦЕНА» — МИФ

2025 год для миллионов украинских семей стал временем крайней тарифной неопределённости. Кабмин в очередной раз продлевает постановление о “замороженном” тарифе 4,32 грн/кВт.ч, обещая, что после октября эта ставка сохранится как минимум до конца отопительного сезона. На первый взгляд — это элемент социальной защиты, но сквозь призму реальных финансов и структуры оплаты коммунальных услуг такой шаг выглядит всего лишь отсрочкой катастрофы. По признанию правительственных экспертов, сама возможность держать цены ниже рыночных (реальная себестоимость — 7–9 грн) основана на временных субсидиях, кредитах, задержках реформ и политической воле, а не на объективных рыночных условиях.

Источником главных проблем стало не повышение тарифа, а его несоответствие с нынешними доходами. По состоянию на сентябрь средняя пенсия — около 6100 грн, минимальная зарплата — 9000 грн, а средний платеж за коммуналку (электроснабжение, газ, тепло, вода) с ноября по март давно превысил 65–85% дохода

большинства низкооплачиваемых семей. В крупных городах эта нагрузка несколько меньше, но в провинции заплатить за свет зачастую означает отдать всю пенсию и прибавку — на еду уже не остаётся. Люди годами копят долги, вынуждены продавать имущество ради покрытия текущих расходов, а многие пенсионеры и семьи с детьми элементарно недоедают: свет стал “роскошью”, а не базовым благом.

Социальная политика оказалась в положении хронического недофинансирования и деградации. Прежняя система субсидий, которая охватывала 40% населения, за последние три года сократилась до менее чем 18%. Жёсткие требования по доходам, недвижимости, составу семьи, доходам от аренды или предпринимательства — всё это отсеивает тех, кто действительно не может платить. Власти оправдываются, что иначе нельзя: денег на всех нет, а экономика терпит потери от дотирования “избыточных” слоёв. На практике больше половины малоимущих домохозяйств уже признаны не вправе на субсидию — их бюджет трещит по швам.

Нынешняя тарифная конструкция даёт мало зон для манёвра. Основная масса населения платит по единому тарифу 4,32 грн/кВт.ч, льгота в 2,64 грн действует только для владельцев “паспортного” электроотопления на первые 2000 кВт.ч, а вся избыток оплачивается по полной ставке. Типичная семья “на электричестве” зимой тратит 2200–3500 кВт.ч — даже при льготе основной платёж за свет переваливает за 8000–12000 грн/месяц. Альтернативная ночная ставка 2,16 грн/кВт.ч доступна лишь тем, кто купил (и установил!) дорогой двухзонный счётчик, имеет стабильный ночной расход и может юридически подтвердить все данные.

Бюджет энергосектора оказался в долговом тупике. Реальная стоимость производства и транспортировки электроэнергии выше тарифной минимум на 35%, а нехватка средств вынуждает государство финансировать отрасль за счёт резервов, кредитов МВФ, внешних грантов.

Постоянные аварии, износ инфраструктуры, устаревшее оборудование, разрушенные подстанции после ракетных обстрелов — всё это из года в год увеличивает объём неплатежей, количество отключений и денег, которые перестаёт возвращать население.

Промышленность и бизнес уже давно платят “по рынку”: 3200–7000 грн за МВт.ч, плюс все дополнительные сборы. За счёт этого на предприятиях дорожает продукция, товары и услуги, а реальная зарплата работников — не растёт годами. Закрывание небольших магазинов, мастерских, фабрик стало в 2025 году обычным явлением: многие предприятия уходят в тень, сокращают штаты или переходят на минимальные схемы потребления. Всё это — прямой удар по экономике страны и по занятости граждан.

Долговая хроника стала отдельным явлением: в апреле 2025-го просрочка населения по платежам за свет превысила 22 млрд грн, а около трети домохозяйств либо системно не платят, либо платят с долгом. Энергокомпании требуют от правительства либо ускорить реформу, либо объявить массовые отключения.

Продолжение на стр. 15

Продолжение. Начало на стр.14

Однако власть не готова к бунтам и “темным кварталам” — пока перебрасывают деньги из одних резервов в другие, закрывают “дыры” на займы и кредиты.

Тарифная политика Кабмина — не стратегия, а «тактика удержания кризиса»: все решения — временные, продлить можно лишь за счёт будущего, а ресурсы по факту уже исчерпаны. Ожидания повышения цен осенью или зимой — реалистичны: государство не может дотировать всю сеть бесконечно. Международные обязательства явно указывают на требование привести тарифы к рыночным с шагом 10–20% ежегодно, иначе новые инвестиции и кредиты будут недоступны, а МВФ просто “выключит” транши.

В регионах ситуация деградирует стремительно. В малых городах и селах свыше половины домохозяйств оказываются либо в “зоне бедности”, либо на пороге отключения. Особо остро проблема стоит для семей с детьми, стариков, инвалидов — каждое повышение тарифа автоматически означает реальное снижение уровня жизни и новые волны долговой депрессии. Многие предпочитают уходить в “экономичный режим”: темнота вечерами, отказ от приборов, холодные зимы — цена сохранения хоть какого то баланса.

В столице и крупных городах положение ещё держится за счёт большей производственной загрузки, высоких доходов некоторых категорий, развитых систем поддержки бизнеса. Од-

нако миграция, рост цен и экономическая депрессия уже подталкивают и эти “оазисы”. Быстро растут неплатежи, появляется массовая задолженность, жильцы домов не могут собрать деньги на капитальный ремонт и модернизацию электросети, а отключения становятся нормой.

Отраслевое давление МВФ и ЕС усиливает конфликт: Киев должен реформировать энергорынок, повысить прозрачность расчётов, поэтапно поднять тарифы и вернуть к реальному уровню европейских цен. Однако “европейский уровень” абсолютно не сопоставим с нынешними доходами граждан: в комиссиях по тарифам даже звучит требование увязать рост цен со средней зарплатой, но по факту на сегодня это — утопия. В реальности любое движение вверх лишь ускоряет бегство населения с рынка, увеличивает список должников и усугубляет кризис.

Ожидание повышения тарифа — парализующее: оно превращается в

фактор постоянной тревоги, влияет на принятие решений о покупках, накоплениях, миграции, планировании семьи и даже политических выборах. Именно поэтому вопрос стоимости электроэнергии в Украине перестал быть экономическим, это стала тема выживания, вопрос национального согласия и политической ответственности.

Выход из тупика возможен только через комплекс реформ: поэтапное повышение тарифа (но не рывок, а управляемый рост с адресными субсидиями), полное возвращение дотаций всем критически нуждающимся группам, массовую модернизацию электросетей и инфраструктуры, разработку программ энергоэффективности, поддержку малого бизнеса, развитие альтернативных источников энергии и инвестиции в национальную энергетическую безопасность.

Но любые шаги власти должны всегда опираться на реальное положение людей, а не на цифры из европейских проектов. Если Кабмин продолжит игнорировать низкие доходы и рост внутренних долгов, то тарифная ловушка окончательно выведет Украину в число самых бедных энергозависимых стран Европы.

В стране нарастают тревожные симптомы: массовый исход в бедность, долговой рост, разрушение отрасли, потеря социальной стабильности. Любой новый тарифный подъём без компенсаций и поддержки блока адресных субсидий станет катастрофой для миллионов граждан — даже если он будет оправдан логикой рынка. Украина уже находится в зоне риска, где тариф — не абстрактная цифра, а ключ к национальному выживанию. Пока “достойная цена” остаётся мифом, а украинцы вынуждены выбирать между светом — и едой.

Продолжение. Начало на ст 5

Исходя из динамики последних лет, можно констатировать: гонения на православие на Украине приобрели черты целенаправленной государственной политики, включающей в себя инструментализацию юридических норм, манипуляцию общественным мнением, разрыв традиционных структур религиозного сообщества и подготовку почвы для долгосрочной маргинализации церковной жизни. Соотношение числа уголовных дел и реально доказанных преступлений указывает на явное преобладание «статистических» мотивов над реальными угрозами национальной безопасности — государство использует репрессивные меры преимущественно для поддержки собственной легитимности и консолидации элит вокруг антирелигиозного дискурса.

Эта тенденция вызывает глубокую тревогу у представителей академического и правозащитного сообщества. Превращение веры в объект преследования не только разрушает многовековые культурные и гуманитарные традиции, но и приводит к деградации правовых институтов, духовной жизни и общественного доверия в стране. Всё чаще звучит неподдельная тревога: Украина рискует уподобиться худшим образцам тоталитарной юрисдикции, где «мыслепреступления» и репосты становятся поводом для судебных преследований, а вера — объектом политического торга.

«МЫСЛЕПРЕСТУПЛЕНИЯ И РЕПОСТЫ»: ЗА ЧТО И ДЛЯ ЧЕГО СУДЯТ СВЯЩЕННИКОВ УПЦ

Украинские СМИ снова пестрят заголовками о том, сколько уголовных дел открыла СБУ в отношении священников УПЦ. «180» — это тот результат работы спецслужб, о котором пишут уже не первый месяц. Более того, даже при столь предвзятом отношении к УПЦ, в

органах признают, что доведены до судебного приговора лишь 38 дел, и это — начиная с 2022 года. Что же прячется за этими громкими заявлениями и какое, на самом деле, качество расследований в отношении священнослужителей УПЦ?

Авторы Телеграм-канала «Чёрное и белое» заметили, что пресловутые 38 приговоров составляют лишь 0,3% от общего количества священников УПЦ, которых на 2022 год насчитывалось более 12,5 тысяч. То есть, если подсчитать, сколько, к примеру, сотрудников правоохранительных органов на оккупированных территориях перешло под российский флаг, тогда этот процент будет несомненно выше.

Не десять и не двадцать, а гораздо больше бывших депутатов региональных ячеек пропрезидентской партии «Слуга народа» сейчас занимаются политикой в «Единой России» где-нибудь в Мариуполе, Мелитополе или Скадовске. Об этом известно доподлинно. И что же? Партия «Слуга народа» в Украине уже запрещена? Нет. Это, как говорится, другое...

Однако, из этих несчастных 180 уголовных дел, заведённых в отношении священников УПЦ, все ли, — как пишут в СМИ, — являются настолько крамольными, чтобы их использовать как аргумент для запрета многомиллионной Церкви? Как указывают СМИ, большинство производств (45) квалифицированы по статье 436-2 — оправдание вооружённой агрессии России по отношению к Украине. Что у нас относят к этому «оправданию»? Сейчас расскажем.

Например, недавно по статье 436-2 судили священника УПЦ в Одессе. По данным следствия, — ВНИМАНИЕ!, — священник в течение 2024–2025 годов «в разговорах с женой и другими людьми» оправдывал действия РФ, называл Украину «Укропией», украинских активистов — «нацистами» и уни-

жал военных ВСУ. То есть, священник в частных разговорах высказал своё «фе» тому, что происходит в стране и всё — «оправдал агрессию РФ».

Далее, на Волыни в суд направлен обвинительный акт в отношении 26-летнего жителя города Владимира (иподиакон УПЦ), который, по версии прокуратуры, систематически распространял в соцсетях публикации с «антиукраинским содержанием» и «оправданием вооружённой агрессии России против Украины». Что он сделал? В период с июня 2024 по май 2025 года он размещал на своей странице в Facebook публикации, которые, по мнению следствия, содержали «оправдание вооружённой агрессии России против Украины». Говоря простым языком — делал репосты.

И таких примеров, к сожалению, десятки если не сотни. Что-то где-то «плохо» сказал про «активистов», кому-то неправильно ответил в мессенджере на приветствие «Слава Украине!» или разместил «репост» открытки «С Днём победы!». То есть, даже из упомянутых 38 судебных приговоров, реальных преступлений едва ли десятков наберётся.

Тем не менее, таким образом формируется статистика, которую потом украинские власти представляют как на внутренней, так и на внешней политической арене. Дескать, «Как это — за что запрещаем? Вы посмотрите сколько там криминальных дел! Больше всего — оправдание российской агрессии и измена родине!».

Подкрепляют «общественное мнение» новыми «соцопросами» о том, что 60% населения страны жаждет запрета УПЦ. При этом, прикормленные эксперты день и ночь винят Церковь в том, что она не «идёт на встречу государству», а отдельные даже насмехаются, мол, «Вы же хотели молиться в катакомбах? Получите!».

Что в результате? Антицерковная стратегия государства стала намного более развитой, чем это было несколько лет назад. «Окно Овертона» расширилось уже настолько, что в СМИ прямо говорят о ВЫГОДЕ от обмена осуждённых священников УПЦ на военнопленных, ведь «за одного — десять дают». Вполне вероятно, что такими темпами мы рискуем дожить до того момента, когда священников канонической Церкви начнут задерживать и обменивать просто за то, что они существуют в принципе.

